

Глава первая

Оливия Олсен никогда не чувствовала себя так далеко от родного Линдстрема, штат Миннесота, как этим жарким летним утром 1939 года в Париже. Легчайшего ветерка едва хватало, чтобы шевелить листву. Казалось, небо вышло из-под кисти Моне, а силуэты прохожих прорисованы Ренуаром. На берегах Сены тут и там сидели рыбаки, погруженные в свое занятие с серьезностью людей, добывающих воскресный ужин. И Оливия тоже «забросила удочку».

Она установила мольберт перед мостом Менял с горделивыми наполеоновскими вензелями на арках и башенками тюрьмы Консьержери на заднем плане. Пейзаж Оливия написала яркими, насыщенными цветами и смелыми мазками в стиле импрессионистов, но в центре картины оставила пустое пятно, будто для чьей-то фигуры. И действительно, приколотое к холсту объявление подтверждало: за триста франков мадемуазель Оливия Олсен готова добавить в свою картину портрет любого желающего, а тот в итоге получит идеальный парижский сувенир.

Чтобы подчеркнуть образ представительницы парижской богемы, Оливия надела берет и свободную блузу художника — чистую, без единого пятнышка, поскольку она никогда не носила ее у себя в студии. Однако стиль был важной частью мероприятия. Пусть к живописи он не имел особого отношения, но если

сегодня Оливии не удастся заполучить клиента, она останется без ужина.

В последнее время с доходами у нее было не густо. Ей пришлось не просто затянуть пояс потуже, а застегнуть на самую распоследнюю дырочку.

Обычно она получала хотя бы по одному заказу каждое воскресенье. А если выходила пораньше и день выдавался удачным, то даже два или три. Поскольку ее серьезные картины пока не пользовались успехом, этот заработок позволял хотя бы не умереть с голоду. Поэтому она старалась не расслабляться и мило улыбалась в ответ на каждый заинтересованный взгляд, брошенный на ее мольберт.

Оливия унаследовала внешность своих шведских предков: волосы цвета спелой пшеницы и широко распахнутые серо-голубые глаза в обрамлении густых ресниц. Ее родные эмигрировали в начале века на изобильные земли американского континента, спасаясь от скандинавских наводнений и неурожаев. Природа также наградила девушку высоким ростом, крепким телом, отменным здоровьем и редкостной работоспособностью. А благодаря аккуратному прямому носику и пухлым розовым губам Оливии прогуливающиеся по набережной мужчины частенько останавливались, чтобы полюбоваться не столько живописью, сколько самой художницей.

Один из них как раз сейчас стоял, прислонившись к парапету, и внимательно ее разглядывал. Чаще всего среди клиентов Оливии попадались тучные состоятельные туристы. Однако этот субъект был молод и строен, а бамбуковая трость и аккуратно завитая светлая борода выдавали в нем парижанина. Он был исключительно хорош собой, даже слишком, но от внимательного взора Оливии не укрылось, что одежда у него

довольно поношенная. Студент, решила она, а юноша, поймав ее взгляд, приподнял шляпу.

— Позвольте спросить, мадемуазель, почему вы нарядились как Анри Матисс?

— У меня тоже есть вопрос, — парировала она. — Зачем вы загораживаете мне вид?

— Жду, когда вы начнете писать мой портрет, — невозмутимо ответил молодой человек.

— У вас есть триста франков? — Оливия постучала пальцем по прикрепленному к картине объявлению.

— Я надеялся обсудить с вами условия.

— Условия не обсуждаются.

— Весьма неразумно. Сколько времени займет работа?

— Около двух часов. Но потом я заберу картину в мастерскую, чтобы высушить, покрыть лаком и вставить в раму. Вы сможете забрать ее через три дня.

— Триста франков ваше последнее слово?

— Точнее сказать, два моих последних слова.

Молодой человек вздохнул.

— Ну что же, тогда я вынужден согласиться. — Он облокотился о балюстраду и принял изящную позу. — Можете приступать.

Оливия не сумела справиться с раздражением.

— Ни на секунду не поверю, что у вас найдется триста франков или хотя бы около того, — бросила она.

Будущий заказчик стукнул тростью о землю.

— Какое нахальство! Может, хотите плату вперед?

— Хочу половину сейчас, а вторую половину на следующей неделе, когда заберете готовую картину.

— Однако вы требуете к себе серьезного доверия.

Юноша достал из кармана кожаный бумажник и отсчитал сто пятьдесят франков, банкнотами и монетами. Оливия отметила, что после этой операции бумажник

изрядно отоштал. Вряд ли там вообще хоть что-то осталось.

— Вы уверены в своем решении?

— Моя уверенность тверда, как эти камни под ногами.

— Ну тогда стойте спокойно и не двигайтесь.

Оливия принялась намечать контуры стройной фигуры молодого человека, черты его лица, стараясь передать выражение легкости и беззаботности. Закончив набросок, она стала добавлять в него цвет с палитры. В краски она подмешивала скипидар и кобальт — не только из соображений экономии, но и чтобы картина быстрее сохла.

На ее заказчике был некогда дорогой костюм, уже утративший прежний лоск. Оливия подумала, что наряд, должно быть, куплен в ломбарде. Лицо юноши украшали нос с горбинкой и высокий лоб, а волосы, показавшиеся Оливии длинноватыми, ложились романтическими завитками на воротник. Хотя борода и придавала ему мужественный вид, без нее он выглядел бы еще красивее: тогда был бы виден его идеально очерченный рот, в углах которого, казалось, все время пряталась таинственная полуулыбка.

Однако модель изучала художницу с неменьшим вниманием.

— Вы красите волосы? — спросил юноша.

— Разумеется, нет, — отрезала Оливия.

— Я спрашиваю потому, что многие американские девушки так делают.

— Судите по своему богатому опыту? — поинтересовалась она, еще больше задетая тем, что в ней так быстро опознали американку. А ведь она очень гордилась своим беглым французским!

— И еще по тому, что брови и ресницы у вас темные, — продолжил молодой человек, не обращая

внимания на ее недовольство. — Впрочем, это вас совсем не портит. Наоборот, контраст настолько ярок, что не обратить внимания на вашу красоту просто невозможно.

Комплимент не смягчил Оливию.

— Вы не могли бы помолчать, пока я работаю?

— У вас недурной французский. Вы давно в Париже?

— С прошлого декабря, — нехотя призналась она.

— И все еще не можете свести концы с концами?

— Вы задаете слишком личные вопросы.

— Думаю, вы едва ли стали бы продавать портреты на набережной, если бы к вам стояла очередь дам из благородных семейств со своими отпрысками. Однако вы явно не лишены таланта.

— А вы очень любезны.

— Хотя сейчас, разумеется, вы просто подражаете Моне и Ренуару.

— Неужели?

— Я хорошо разбираюсь в живописи.

— А еще вы весьма высокого мнения о себе.

— Да, я ценю себя по достоинству. И всем советую следовать моему примеру.

— Будь все такими же несносными, эти улицы уже были бы залиты кровью.

— Раз уж на то пошло, то вот эти самые улицы, где мы сейчас находимся, в свое время и были залиты кровью, причем совсем недавно. А неподалеку отсюда стояла гильотина. — Глаза юноши сверкнули. — И это пошло на пользу Франции.

— Полагаю, вы с нетерпением ждете еще одной революции, — фыркнула Оливия, нанося краску на холст короткими мазками.

— Да, и надеюсь увидеть ее своими глазами.

— Значит, вы марксист или вроде того?

— Я всего лишь мыслящий человек.

— И в ожидании революции проводите воскресные дни, прогуливаясь по округе и досаждая честным труженикам?

— Как продвигается портрет? — сменил тему молодой человек.

— Странно, что он вообще продвигается, ведь вы меня постоянно отвлекаете. — Она бросила критический взгляд на свое творение. На самом деле картина выходила неплохо, гораздо лучше, чем ожидала Оливия. — Не могли бы вы помолчать еще час? В жизни не встречала такого болтуна.

Полуулыбка, игравшая на губах юноши, стала чуть шире.

— А вы не любите поболтать?

— Вы здесь ищете развлечений, а я работаю. И могу или работать, или разговаривать. Совмещать эти занятия я не люблю.

— И какое из них вы бы выбрали?

Оливия вздохнула и отложила кисть.

— Чего мне по-настоящему сейчас хочется, так это закурить.

— Так что же вы сразу не сказали? — Молодой человек достал серебряный портсигар и предложил Оливии сигарету.

Она с благодарностью взяла ее и прикрыла ладонью огонек из его потертой серебряной зажигалки.

— Спасибо. — Художница выдохнула к небесам облачко дыма, наблюдая, как его пронизывают солнечные лучи. На нее накатила волна головокружения, и она приложила руку к виску.

— В чем дело? — тут же заволновался молодой человек.

— Просто немного закружилась голова. Первая сигарета за три дня.

— Решили бросить?

— Нет. Просто не на что было купить. — Она снова затянулась, чувствуя, как сладкий яд никотина просачивается в кровь. — Вы разве не присоединитесь?

В ответ он показал пустой портсигар:

— У меня она была последней.

— Простите. — Она протянула ему сигарету: — Разделим?

Он элегантно принял предложение, сделал затяжку и снова передал ей. Так они и курили в дружественном молчании, пока задушевный, но слишком быстротечный момент не исчерпал себя. Тогда молодой человек аккуратно затушил окурочек и вернул его обратно в портсигар, явно собираясь позже докурить до конца. Маневр не ускользнул от Оливии.

— Ну что за безрассудство, — вздохнула она. — Вы ведь не богаче меня. Зачем же выбрасывать триста франков на картину?

— Выбрасывать? — Заказчик удивленно распахнул глаза. — Вы неправы. Триста франков за привилегию получить два часа вашего безраздельного внимания — это сущая мелочь, — серьезно произнес он.

Оливия невольно улыбнулась:

— Тогда, надеюсь, вы получаете то, за что заплатили.

— Пока с переменным успехом, — иронично заметил он.

— Простите, если была не слишком любезной. Ужасно хотелось курить. — Она снова взяла в руки палитру и вернулась к картине.

— Я вас здесь уже видел, — продолжил беседу молодой человек.

— Да, я прихожу сюда каждые выходные.

— Знаю. Вы прекрасно ладите с туристами. Особенно с американскими мамами.

— Выходит, вы обо мне многое знаете, — усмехнулась она, добавляя ультрамарина в тени на складках его пиджака. — Но сейчас, прошу вас, помолчите. Я занимаюсь вашим лицом.

К ее удивлению, заказчик действительно замолчал, хотя по искоркам в глазах она видела, что он с трудом сдерживает рвущееся наружу веселье. Оливия решила, что этот молодой человек хоть и несносен, но вполне приятен и даже мил. Он ведь поделился с ней своей последней сигаретой.

— Как тут тихо и спокойно, когда вы молчите, — произнесла она наконец. — Ну что же, я почти закончила. Пока оставлю все как есть, а доделаю уже в мастерской. Вы сможете зайти за картиной в среду?

— Непременно зайду.

Она продиктовала адрес, а юноша в ответ достал визитницу и вынул оттуда свою карточку. Оливия рассмотрела ее. Там были напечатаны только имя, Фабрис Дарнелл, и силуэт писчего пера. И больше ничего. Она подняла взгляд на молодого человека:

— Так вы писатель?

Он слегка поклонился:

— Журналист. Пишу очерки. Это вам не беллетристика; мое перо служит делу социальной справедливости и провозглашению свободы личности в современном обществе.

— По-моему, это и есть самая настоящая беллетристика, — сухо отозвалась Оливия.

— Могу я взглянуть на картину? — Фабрис внимательно изучил будущий портрет. — Вы очень талантливы. Всего несколькими штрихами сумели в общих чертах передать мой характер. Жаль только, что не уделили внимания деталям.

— Я пишу в стиле импрессионизма.

— То есть возводите небрежность в ранг мастерства.

— А ведь вы только-только перестали меня раздражать. И тут же снова начали.

— Да, правду никто не любит.

— Теперь вы можете идти, — распорядилась Оливия и накрыла картину тряпицей.

— Это все?

— По-моему, вы получили то, за что заплатили.

Ей показалось, что Фабрис расстроился.

— Позвольте остаться и продолжить разговор?

— Нет, — отрезала она. — Вы будете отпугивать потенциальных клиентов, а я не прочь поймать в свою паутину еще парочку мух.

Девушка говорила решительно, и молодой писатель, похоже, смирился с тем, что его прогоняют. Но тут у него на губах наконец полностью расцвела та самая обещанная улыбка, которая оказалась очень милой, хоть и немного грустной.

— Что же, тогда до встречи через три дня. Всего доброго, мадемуазель Оливия Олсен.

— Всего доброго, месье Фабрис Дарнелл.

Он с поклоном приподнял шляпу и пошел прочь, не оглядываясь. Она же провожала его взглядом, пока стройная фигура молодого человек не смешалась с толпой гуляющих по берегам Сены.

Глава вторая

В паре миль от того места, где расположилась с мольбертом Оливия, Антуанетта д'Аркур¹ наблюдала за тем, как раздевается ее подруга. Длинные руки Арлетти² потянулись за спину, к застежкам лифа, и в этот момент она поймала на себе взгляд Антуанетты.

— Что ты на меня так смотришь?

— А разве нельзя?

— Можно. Но ты хмуришься. О чем задумалась?

— О том, как мало в тебе грации.

— О, вот спасибо. Весьма лестно. — Арлетти бросила бюстгальтер на стул и принялась растирать вмятины, оставленные жесткими швами на небольшой груди с торчащими темными сосками. — Как хорошо, что я тебя спросила.

— Не делай вид, будто обиделась. Ты сама знаешь, какая ты красавица.

— Но я всего лишь дитя народа. А вот ты, как всем известно, знатная герцогиня.

— Всем также известно, что в наши дни актриса гораздо важнее герцогини.

— Даже самой испорченной?

Антуанетта откинулась на кровати и улыбнулась.

¹ Антуанетта Жерар д'Аркур (1909–1958) — представительница одного из знатнейших родов Нормандии, активная участница Сопrotивления. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Арлетти (наст. имя Леони Батиа, 1898–1992) — знаменитая французская актриса.

— Не передергивай. Ты просто чудо. Такая худенькая...

— И снова благодарю.

— Нескладная...

— С каждым разом все лучше!

— Да и глупенькая, если начистоту...

— О, конечно, давай начистоту, дорогая!

— ...Но весь Париж лежит у твоих ног!

Арлетти скинула туфли и уставилась на свои узкие ступни.

— Что-то не вижу здесь всего Парижа.

— Во всяком случае, я-то точно у твоих ног.

— Как странно. Всего мгновение назад ты держала меня за горло.

— Я тебя обожаю.

— После всех этих оскорблений? Позвольте усомниться в вашей искренности, мадам д'Аркур.

— Куда бы ты ни пришла, там становится светлее. Самый скучный фильм превращается в захватывающий, если ты появляешься хотя бы в эпизоде. Ты самая остроумная, мудрая и прелестная женщина Парижа. И я без ума от тебя.

Арлетти склонила голову набок.

— И теперь ты ждешь моего прощения?

— Я буквально молю тебя о прощении. — Антуанетта протянула руки к возлюбленной.

Арлетти забралась на огромную кровать и устроилась рядом с Антуанеттой. Номер отеля был выдержан в кремовых тонах с золотистыми акцентами, рассчитанными на утонченный женский вкус. Вот уже несколько месяцев любовницы встречались в отеле «Ритц», чтобы не афишировать свои отношения. Там они могли обедать на глазах у всего бомонда, а потом незаметно для всех подниматься в номер. Счет они потом оплачивали пополам.

Антуанетта заключила Арлетти в объятия.

— Ты действительно сводишь меня с ума.

Арлетти увернулась от жадных губ подруги.

— Даже тощая?

— Я не называла тебя тощей. Я сказала, что ты худенькая. И ты сама знаешь, что так и есть.

— По-моему, ты от меня устала.

Антуанетта страдальчески сморщилась.

— Милая, ну как ты можешь такое говорить? Больше всего на свете я боюсь, что ты сама от меня устанешь. Это выше моих сил. Я просто умру.

— Не глупи.

— Я такая обыкновенная и скучная, а ты такая замечательная!

Арлетти различила искреннюю боль в голосе Антуанетты и, прикрыв глаза, подавила победную улыбку. Даже сейчас, когда актерство ценилось куда выше принадлежности к древнему благородному роду (как и сказала Антуанетта), обожание герцогини все равно грело душу. К тому же в сорок один и вовсе удивительно стать предметом безумной страсти. Арлетти знала, что все еще хороша, но вокруг уголков ее пылко восхваляемых глаз уже поселились лучики морщин, а щедрый на улыбки рот обрамляли глубокие носогубные складки. Да и тело, с молодости не блиставшее пышными формами, теперь выглядело откровенно худым.

Во время близости Арлетти держалась холодно и отстраненно. Антуанетта заливалась румянцем, веки у нее тяжелели, дыхание сбивалось и становилось прерывистым, а вот Арлетти вела себя тихо, сохраняя маску невозмутимости на лице, словно стараясь оставить все свои восторги при себе.

Потом они откинулись на мягкие перьевые подушки, лакомясь шоколадным тортом. Вандомскую площадь

постепенно заливал солнечный свет, окрашивая в медовые тона роскошные интерьеры номеров.

— Я хочу расстаться с мужем, — вдруг заявила Антуанетта.

Арлетти бросила на нее быстрый взгляд.

— У вас проблемы?

Антуанетта скривилась.

— Ты прекрасно знаешь, в чем заключается главная проблема, дорогая.

— Не стоит бросать мужа из-за меня, — сухо заметила Арлетти.

— Довольно с меня этого фарса. Я отдала Франсуа двенадцать лет. Хватит. Наш брак с самого начала был чистой формальностью.

— У тебя двое маленьких детей. Они не формальность.

— Франсуа меня не любит, а я не люблю его. Больше тут не о чем говорить. — Антуанетта наколола еще один кусочек торта серебряной вилкой и поднесла ко рту. — Разумеется, речь не о разводе или публичном расставании. Нам просто пора устраивать собственную жизнь, каждому свою. Мальчики останутся с отцом. Он им нужен больше, чем я. Что скажешь?

— Я уже сказала все, что думаю по этому поводу.

— Арлетти, я ведь люблю тебя. — Антуанетта посмотрела на подругу в ожидании ответа, но та молчала. — У тебя иногда такое каменное лицо.

— Да, а еще я худая и нескладная. Ты уже говорила.

— Это я люблю.

Арлетти почти не притронулась к тарту. Подавлять аппетит она привыкла с самого детства, которое прошло в нищете и лишениях. Женщина, лежащая сейчас рядом с ней, рожденная в достатке и роскоши, даже не представляла, как раньше жила ее подруга, а сама Арлетти об этом не распространялась. Внимания таких

людей, как герцогиня д'Аркур, она удостоилась только благодаря славе, но слава пришла к ней поздно, когда ей было хорошо за тридцать.

Ох уж эти избалованные богачи! В жизни не знавшие голода, они еще смеют жаловаться на несвободу.

Ей было уже поздно становиться такой, как они. Да она и не смогла бы. Пусть сейчас аристократы ее обожают, у нее нет ни власти, ни статуса. Ее знают только под псевдонимом Арлетти. Его придумал режиссер, заявив, что ее настоящее имя, Леони Батиа, больше подходит горничной, чем кинозвезде.

Но она была и навсегда останется Леони Батиа, рожденной в Курбеуа, на левом берегу Сены, среди железнодорожных тупиков и заводов, — маленьким гаврошем, сорняком, приبلудной кошкой, тощей и нескладной. Когда Антуанетта шутила над ее неуклюжестью, Арлетти было очень обидно, но она прятала свои истинные чувства и не огрызалась в ответ.

Антуанетта родилась в богатой аристократической семье, а ее муж, Франсуа-Шарль д'Аркур, был потомком викинга Бернара Датчанина, возглавившего нормандское завоевание Британии. Развод с таким супругом не мог обойтись без скандала.

Янтарные глаза Арлетти обвели залитый солнцем номер, где даже парящая в воздухе пыль переливалась золотом.

— Нам ведь и так хорошо. Мы встречаемся несколько раз в неделю, вместе обедаем, предаемся любви, ходим в разные модные места. Чего еще ты хочешь?

— Я хочу быть полностью твоей.

— Это невозможно. Не бросай Франсуа ради меня. Если ты расстанешься с ним, мы не будем чаще видеться. Вернее, мы будем видеться даже гораздо реже.

— Почему?

— Потому что мне не нужны скандалы.

— Мне нет дела до скандалов! — рассмеялась Антуанетта.

— А мне есть. Я должна думать о карьере. В отличие от тебя.

— Какие жестокие слова!

— Да, ты публикуешь стихи, причем весьма недурные. Но если ты больше не сможешь издавать свои маленькие книжечки, на твоей жизни это никак не скажется. Ты сказочно богата. А я не готова рисковать единственным источником дохода. — Иногда лицо Арлетти приобретало угрюмое выражение, вот как сейчас. — Стоит мне скомпрометировать себя сексуальным скандалом и попасть в желтые газетенки, и работы уже не видать.

Легко поддающаяся эмоциям Антуанетта густо покраснела. Ее глаза наполнились слезами.

— Не знала, что ты считаешь наши отношения позорными.

— Я говорю совершенно о другом.

— Иногда ты такая ханжа, Арлетти!

Актриса устало отвернулась.

— Ну что же, добавим это в список моих недостатков.

— Нет, сегодня ты решительно невозможна. И ужасно меня расстраиваешь! Понятия не имела, что ты меня стыдишься!

— Не стыжусь, но проявляю благоразумие. В прошлом актрисы компрометировали герцогов, а сейчас герцогини могут скомпрометировать актрис.

— Неужели ты думаешь, что друзья нас осуждают?

— Твои друзья — нет, — нетерпеливо бросила Арлетти. — Но у тебя в подругах сплошь лесбиянки.

— А разве ты не такая?

— Нет, не такая.

Антуанетта коротко и зло рассмеялась.